

1965, 26 ноября №48.

К. М. СИМОНОВ,

Фото В. ШАГОВА

В РАЗГАРЕ РАБОТЫ

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

пыта да и просто юношу.

Одна из современниц Пушкина отметила «мобильность ума» поэта — решающее достоинство искреннего и сильного художника. Оно же неизбежно для изобретателя. Симонов обладал им в высокой степени. Его мобильность родственна мобилизованности: бодрствующее, бодрое, бдительное состояние ума и всех других способностей. Всегда начеку, налегке, с вещмешком за спиной, в башмаках, подбитых гвоздями, с гулким ямбом в две четверти в ушах: что это — биение здорового сердца или шум мирового времени?.. Так рисуется облик писателя нашей эпохи. Ему сегодня пятьдесят, таким же он был двадцатилетний, таким останется навсегда.

КОНСТАНТИНУ Симонову исполняется пятьдесят лет. Из них три десятилетия верных отданы самому напряженному на свете труду — творческому, который сопровождался рядом беспспорных и общепризнанных побед. Были также и срывы, однако все эти годы читатели видели поэта, драматурга, романиста на ярко освещенной жизненной и общественной сцене. Они невольно искали в нем черты типические, общие с множеством сверстников писателя. Чем больше находили таких черт, тем яснее определялось значение писателя.

С самого начала двадцатилетний Симонов ринулся (иначе не скажешь) буквально во все литературные жанры: в поэзию и прозу, в драматургию и журналистику. Его стихи и баллады в самый день их публикации многими запоминались наизусть, пробивали себе дорогу к лучшим актерам, чтецам и к исполнительской эстраде. Константин Симонов сразу был гостеприимно принят и в театре как боевой драматург, обреченный на успех.

Это случай не частый. Дело, конечно, не в счастливом лотерейном билете, свалившемся с неба на чью-то удающую голову, а в самой голове! В недюжинности дарования, в его масштабности, в широте дыхания. Константину Симонову посчастливилось воплотить — прежде всего в стихах и в пьесах — характер и энергию своего поколения — тех, кто сегодня, так же как и он, отмахал полвека на столбовой дороге жизни.

Энергия писателя та же, что у физиков, пробивающих новые омы в мироздании, у разведчиков-геологов, вторгающихся в недра земной коры, у многих тысяч советских следопытов, мастеров, строителей, казалось бы, в самых далеких областях человеческой деятельности. Но в первую очередь это энергия победителей Великой Отечественной войны. Когда говоришь о Симонове, война вспоминается прежде всего. Она была его настоящим университетом, помимо всех прочих, которые он кончил или мог бы кончить.

Это один из самых работоспособных людей в нашей культуре. Но работоспособность его особого рода. Она легкая, счастливая. Не ищите у него усталости, горечи, надрыва. Наоборот! Он из тех, кто молодеет в работе — только в ней, — и каждый раз заново находит в работе себя. Это определяет рост и поведение человека, его «охоту к перемене мест»: не по-онегински «не мучительное свойство», а нечто нормальное для мужественного человека — охоту к познанию мира и его переделке.

Образы наших современников, анализированные в его романах или действующие на просцениуме его театра, достоверно выхвачены из сегодняшнего, мимолетающего, не закончившегося дня. В этом отношении Константин Симонов на редкость чуток и зорок. Он пронизательно угадывает возникновение в жизни нового типажа и нового конфликта. В этом — доблесть писателя и, если угодно, его спортивный азарт. Свойство навсегда молодое.

Таким он был всегда, с самого начала.

Я помню его двадцатилетним. Страшно худой, похожий на поджарую борзую, в единственном тогда истрепанном пиджаке, он ухитрился выглядеть по меньшей мере элегантно и в то же время как дерзкий победитель. Между тем это был отлично воспитанный человек. Я имею в виду не вежливость, не «приличные манеры», а другое, более серьезное и глубокое. Симонов — человек долга, обещания, слова, данного однажды навсегда. Сказать по правде, это свойство не так уж культивируется в нашей среде.

И еще одно обнаружилось в нем с самого начала. По первому зову, по первому ночному звонку из редакции он мог сорваться куда угодно — на Крайний Север и на Дальний Восток, в среднеазиатские республики — лишь бы своими глазами увидеть заново строящийся мир пятилеток, прославленные дамбы плотин, перекрывающих течение могучих континентальных рек, огни ГЭС и новых индустриальных гигантов. Все это возбуждало, растило, воспитывало поэта, очеркиста, следо-

Случилось так, что я оказался первым постановщиком первой пьесы Константина Симонова «История одной любви» задолго до того, как эта пьеса пошла в Москве и в других городах. Дело происходило в 1940 году на Горьковском автозаводе, в молодежном театре, которым я руководил. Пьеса трантовала семейную любовную тему: пресловутый «треугольник», испокон веков волнующий и драматургов, и зрителей всего мира: молодая женщина уходит от глубоко любящего ее человека к другому, этот другой не достоин ее, она возвращается обратно — вот и все. Но в центре пьесы был эпизод, выпадающий из нехитрого сюжета, и надо сказать прямо, ради этой искривленной сцены мы и взялись за постановку пьесы. Сильно подозреваю, что и для автора это был самый дорогой кусок: эпизод переносил зрителей на Дальний Восток, в обстановку только что отпавших тогда событий на Халхин-Голе. В те времена (за год до Отечественной войны) кто из нас не жил предвоенной тревогой! Она была разлита повсюду. Автозаводцы, до отъезда наполнившие наш зрительный зал, с особым волнением и трепетом приехали на десять минут, пока шла эта сцена. Р багровом освещении софитов и рампы, под пушечные залпы, изображенные, как водится в театре, барабанами, со сцены на зрителей смотрело совсем недалеком суровое будущее. Я думаю, что со стороны драматурга-дебютанта решение ввести в пьесу, вопреки ее теме и сюжету, такую сцену было решением смелым, но вполне естественным, по-своему неизбежным для Симонова.

В этой тревоге был весь он, и она обнаружилась в первых же его стихах. Она могла появиться и под масками псевдонимов, и в иносказаниях. Он мог посвятить ее памяти Матэ Залки или памяти бойцов-республиканцев в Испании, мог угадать эту тревогу в последнем подвиге Амундсена, — словом, достаточно еще раз перечитать первые стихи Константина Симонова, чтобы убедиться, до какой степени все они в одном музыкальном ключе, как требователен для него лейтмотив военной тревоги.

Незадолго до постановки, о которой здесь рассказано, в журнале «Новый мир» было напечатано его короткое стихотворение, полное уже ничем не прикрытых предчувствий и предсказаний. Одну только букву пришлось переменить в нем: вместо Кенигсберга, где автор предполагал возможность своего ранения, был назван некий мифический «Ренигсберг». Положительно ни у кого из тогдашних поэтов тема предвоенной тревоги не звучала так сурово, с такой конкретной направленностью:

Когда-нибудь, сойдясь с друзьями,
Мы вспомним через много лет,
Что в землю врезан был краем
Жестоний гусеничный след.
Что мял хлеба сапог солдата,
Что нам навстречу шла война,
Что к западу от нас когда-то
Была фашистская страна.
Настанет день, когда свободу
Завоевавшему в бою,
Фашизм стяхнувшему народу
Мы руку подадим свою.